

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВѢКА.

Литературно-философская характеристика XIX столѣтія съ богословской точки зрѣнія.

I.

Тихо и безшумно отходили въ вѣчность XIX вѣкъ. Но на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ его отъ вѣка грядущаго, онъ смутилъ сердца ожиданіемъ возможныхъ бѣдъ: на Дальнемъ Востокѣ собралась грозная туча, которая, хотя и пролилась мѣстнымъ дождемъ, но, какъ многимъ не безъ основанія казалось и кажется, грозитъ всеобщую, міровую бѣдою... Правда, пока бѣда, повидимому, отодвинута и, можетъ быть, надолго. Да и вообще не сама по себѣ, не своимъ стихійно-разрушительнымъ внѣшнимъ характеромъ, она смущаетъ, но—тѣми помысленіями христіанско-европейскихъ умовъ и сердецъ, которыя въ этой бѣдѣ открылись. Ибо со всею смущающею ясностью обличились при этомъ *чисто земные идеалы*, своекорыстно-низменные вождельнія и аспираціи нѣкоторыхъ „носителей европейской культуры и цивилизаціи“, ихъ чисто земная алчба и жажда. Вотъ чѣмъ событіе симптоматично и поучительно! И вотъ почему не будетъ, кажется, преувеличеніемъ, если мы сопоставимъ его,—по его нравственному и идейному смыслу,—съ шумной и страшной, кровавой катастрофой конца XVIII вѣка, съ Великой Французской Революціей. Да, есть много въ этихъ великихъ катастрофахъ общаго. И тамъ, и здѣсь багровый свѣтъ яркаго кроваваго пламени, озаряя далеко уклонившуюся отъ нормъ жизнь

процлаго, настойчиво зоветъ, подъ угрозой неотвратимыхъ бѣдъ, къ лучшему будущему...

Оставимъ, однако, въ сторонѣ XVIII вѣкъ, — о немъ уже болѣе, чѣмъ достаточно, говорено и писано, — и попытаемся подвести, конечно, лишь эскизный и самый общій, итогъ, вѣку XIX, преимущественно съ той стороны, которая касается его внутренней, идейной и нравственной, жизни, того, что называется *духомъ вѣка*.

И независимо отъ тревожныхъ событій на Дальнемъ Востока, ознаменовавшихъ собою самый конецъ вѣка, такъ сказать его послѣднiе дни, есть въ его, сравнительно тихомъ и спокойномъ, теченіи нѣчто значительное и невольно привлекающее къ себѣ вниманіе. Тихія и спокойныя воды вообще глубоки и таинственны. Но въ послѣдніе годы истекшаго вѣка всѣмъ замѣтно овладѣвало не только это смутное и безотчетное обаяніе глубины и таинственности, но и болѣе определенное настроеніе: чувствовалось въ этомъ размѣренномъ, настойчиво-упорномъ и въ себѣ увѣренномъ движеніи все впередъ и впередъ что-то холодно-разсчитанное и систематическое, какая-то безповоротная рѣшимость на что-то радикальное и безвозвратное.

Чѣмъ-же именно въ исторіи XIX вѣка навѣваются подобныя настроенія? *Какая и надъ чѣмъ именно* работа его вызываетъ эти смѣшанныя чувствованія, въ которыхъ къ изумленію предъ настойчивостію и сосредоточенностію невольно примѣшиваются безотчетныя чувства опасенія и страха, — точно человѣку грозитъ бѣда, утрата чего-то самаго дорогаго для него и завѣтнаго?

На эти вопросы можно отвѣтить однимъ словомъ, которому, если не ошибаемся, впервые далъ право литературнаго гражданства знаменитый французскій историкъ и философъ, Тэнъ. Это слово: *дехристианизація*.

„Дехристианизація“: какой, повидимому, старый и всѣмъ давно извѣстный фактъ отмѣченъ этимъ новымъ словомъ! Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, она, эта „дехристианизація“, не началась въ западной Европѣ еще за долго до нашего времени, — по крайней мѣрѣ съ эпохи реформаціи?! И развѣ, съ другой стороны, не извѣстно, всѣмъ и каждому, что именно здѣсь, въ этомъ печальномъ явленіи, коренятся источники многихъ нестроеній и золъ, умственныхъ и нрав-

ственныхъ, частныхъ и общественныхъ, характеризующихъ не одно истекшее столѣтіе, но *все вообще новое время*, всю пореформаціонную эпоху? Такъ, конечно: недугъ извѣстенъ давно, хотя и подъ другими именами; давно-же поставленъ и соотвѣтственный діагнозъ. Но есть въ этомъ старомъ фактѣ новая подробность; опредѣлились въ давно извѣстномъ и констатированномъ явленіи, именно въ минувшемъ столѣтіи, новыя черты; совершилась крупная перемѣна и не напрасно, конечно, знаменитый французскій ученый, придумавшій это новое слово, отмѣтилъ имъ явленіе, которое восходитъ своими источниками ко времени Французской революціи конца прошлаго вѣка. Различіе это состоитъ въ томъ, что въ XIX вѣкѣ враги и противники христіанства, виновники „дехристіанизациі“, уже не ограничивались, какъ это было прежде, *нападками* на христіанство, да пожалуй и не въ нихъ полагали центръ тяжести, но стремились противопоставить идеалу жизни христіанскому *своей положительный идеаль*, подъ знаменемъ котораго и во имя котораго они хотѣли объединить всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Этимъ они думали вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, — „освобожденія челоувѣчества отъ опеки религіи“, чтобы освобожденное оно уже спокойно и безъ тайныхъ смущеній могло ходить *путями своими*...

Каковъ-же этотъ идеаль? Воплощеніемъ какихъ стремленій „дехристіанизованнаго“ челоувѣчества онъ является и изъ какихъ элементовъ состоитъ?

Если мы внимательно всмотримся въ этотъ, довольно ясно намѣченный въ литературѣ только-что истекшаго столѣтія, идеаль, то различимъ въ немъ двѣ основныхъ черты: *стремленіе къ всеобщему земному счастью*, какъ верховной цѣли существованія челоувѣчества, и *стремленіе къ обожествленію челоувѣка* или, какъ теперь говорятъ, *челоувѣчности* (Humanitätsskultus).

Желаніе счастья и именно земнаго, посюсторонняго счастья, правда, неразрывно съ самымъ существованіемъ челоувѣка. Но въ это, какъ челоувѣчество, старое желаніе опять-таки привзошелъ теперь новый оттѣнокъ. Стремилось къ посюстороннему счастью античное челоувѣчество. Но вѣдь оно и не знало *потусторонняго* счастья, — развѣ лишь смутно догадывалось о немъ въ лицѣ лучшихъ представителей. У него,

слѣдовательно, это стремленіе было естественно и понятно. Стремилась и стремятся къ счастью, земнымъ утѣхамъ и радостямъ, и народы христіанскіе, за исключеніемъ сравнительно немногихъ добровольно-аскетическихъ отказовъ отъ него. Но у нихъ эти стремленія не служатъ конечною цѣлью и не исчерпываютъ всѣхъ надеждъ. У „дехристіанизованнаго“ — же человѣчества они сдѣлались именно *конечною цѣлью* и вмѣстили въ себя всѣ надежды. И это неизбежно. Въ самомъ дѣлѣ, когда потусторонній міръ отвергнутъ, когда заслуги, вины, надежды и опасенія, связанныя съ мыслию о потустороннемъ воздаяніи были оставлены, какъ нѣчто „дѣтское“ и „незрѣлое“, — на что оставалось тогда перенести всѣ эти надежды и опасенія, все, что служитъ мотивомъ жизни? Не на что иное, какъ на устроеніе именно земной жизни и на созиданіе земнаго благополучія, новаго рая, рая земнаго, „реальнаго, а не мечтательнаго“. И вотъ „дехристіанизованное“ человѣчество свело идеаль на землю, стало относиться къ моменту, какъ къ вѣчности и преходящему захотѣло придать значеніе неизмѣннаго, — захотѣло при обманчивыхъ земныхъ условіяхъ создать именно *рай*.

Связь здѣсь, между „дехристіанизаціею“ Европы и мечтами о земномъ раѣ, очевидная и необходимая. Не случайное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе то обстоятельство, что мечты о земномъ раѣ пробудились къ жизни съ особенною энергіею и приняли вполнѣ опредѣленные формы, именно со времени мнимо—„окончательнаго“ пораженія христіанства, въ концѣ XVIII вѣка. Именно тогда и именно подъ влияніемъ этого, — сначала въ формѣ сантиментальныхъ мечтаній и утопій (у Руссо и его многочисленныхъ послѣдователей), потомъ въ формѣ реформаторскихъ замысловъ (у представителей эпохи „бури и натиска“), различныхъ формъ революцій, словесныхъ и фактическихъ, до „Великой Революціи“ включительно, — именно тогда, говоримъ, были положены тѣ ферменты, которые, вызвавъ вѣковое броженіе мысли и жизни западныхъ народовъ, проявились въ формѣ такъ называемаго соціального оптимизма, съ его ученіемъ о „демократизаціи благъ культуры“, о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ и т. д. Упраздненіе вѣроисповѣдныхъ и національныхъ особенностей, какъ главнаго препятствія осуществленію космополитическаго идеала, распространеніе на массу наукъ и искус-

ствѣ, участіе всѣхъ въ управленіи или, точнѣе, самоуправленіи, уравненіе всѣхъ въ отношеніи къ имуществу и матеріальному довольству, „равенство всеобщей сытости“, какъ говорилъ покойный Вл. С. Соловьевъ,—вотъ основныя черты этого вождѣннаго земнаго рая, который въ истекшій вѣкъ сдѣлался глубоко укоренившеюся мечтою „дехристианизированныхъ“ народовъ.

Вторая черта, входящая въ составъ новаго идеала, какъ мы сказали, есть стремленіе къ обожествленію человѣка или, точнѣе, человѣчности. Здѣсь нѣтъ, конечно, надобности повторять то, что хорошо извѣстно всѣмъ, сколько нибудь внимательно слѣдящимъ за теченіями новѣйшей мысли,—нѣтъ надобности говорить о Ницше, съ его культомъ сверхчеловѣка, то-есть высшаго, въ фізіологическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, типа человѣка, который явится-де въ будущемъ достойнымъ поклоненія, какъ настоящее божество и пр. Но не лишне отмѣтить, что проповѣдь этого культа не есть какая-нибудь исключительная особенность философіи (точнѣе слѣдовало-бы сказать: *анти-софіи*) Ницше. О нѣтъ! Чрезъ все истекшее столѣтіе проходить это тяготѣніе къ сверхчеловѣку и Ницше есть лишь наиболѣе типичный, наиболѣе рѣшительный и смѣлый, ея выразитель.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ началѣ вѣка знаменитый Шатобрианъ, со свойственною ему проникательностію заглядывавшій (дальше своихъ современниковъ) въ возможные слѣдствія соціальной катастрофы, отмѣтившей конецъ XVIII вѣка, писалъ:

„Когда старое общество разлетается въ куски, личность лишается полезнаго давленія, удерживавшаго ее въ извѣстныхъ соціальныхъ рамкахъ и мѣшавшихъ ей придавать себѣ безграничную цѣну и значеніе. Такимъ образомъ, *возможность для самообожанія открывается всюду*; гдѣ самообладаніе не настолько сильно чтобы замѣнить вліяніе прежней общественной организаціи. *И въ то время, когда все кажется возможнымъ, все кажется и дозволеннымъ влѣтъ съ тѣмъ.* Всею ту область, отъ которой прежде отрѣзалась личность, которую она прежде добровольно отдавала она теперь отбираетъ, перестаетъ покорно склоняться предъ запретомъ, чисто человѣческое пропехожденіе котораго теперь ей стало

ясно. На каждый запретъ у нея готовъ отвѣтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и страшнымъ вопросомъ — началомъ всяческаго человѣческаго знанія и человѣческой свободы—вопросомъ: почему“?

Вотъ именно! Самообожаніе есть такъ сказать изнанка атеизма, тѣнь, неотступно за нимъ слѣдующая. Или Богъ, или человѣкъ: *tertium non datur*. Всѣ и всякіе другіе культы суть лишь перерожденія этихъ двухъ, неустойчивые переходы между ними. И если истекшій вѣкъ такъ усиленно хотѣлъ быть, соревнуя въ этомъ съ концомъ вѣка XVIII, не только „дехристианизованнымъ“, но и атеистичнымъ, то преступное и вмѣстѣ нелѣпое самообожаніе было его неизбежною карою.

Таковъ, въ своихъ основныхъ чертахъ, этотъ новый идеалъ, подъ знаменемъ котораго звалъ работать, устами своихъ „передовыхъ людей“, истекшій вѣкъ. Если мы хотимъ выразить этотъ идеалъ въ одной формулѣ и сопоставимъ ее съ формулою истины христіанской, то оны изумитъ насъ своею дерзкою и дерзкою откровенностію:

На знамени христіанства начертано: *Богочеловѣкъ*.

На знамени проповѣдниковъ новаго идеала написано: *человѣкъобогъ*.

Богочеловѣкъ и человѣкъобогъ: вотъ двѣ радикальныхъ противоположности, раздѣлившія современное культурное человѣчество, вотъ два крайнихъ полюса, къ которымъ оно тяготеетъ!

II

Было бы ошибочно думать, будто мечты объ устроеніи жизни по этому новому идеалу живутъ лишь въ головахъ наиболѣе „передовыхъ“ и неисправимыхъ мечтателей, развиваются лишь въ ихъ книгахъ, откуда вычитываются досужими людьми. О, нѣтъ! Пересмотрите современную художественную литературу, послушайте рѣчи современныхъ публицистовъ и демагоговъ и вы убѣдитесь, что эти мечты теперь уже широкою волною разливаются въ массахъ, повсюду обуславливая ту „переоцѣнку цѣнностей“, которая является едвали не самою яркою подробностію въ жизни и умственныхъ настроеніяхъ „конца вѣка“. Все традиціонно-устойчивое и прочное, все, чѣмъ въ христіанскихъ стра-

нахъ доселѣ держалась жизнь и нормировалась мысль, все, что доселѣ полагало непреходимую грань между добромъ и зломъ, истиною и ложью, — все это теперь подвергнуто вопросу въ лагерѣ „передовыхъ“ людей, которые, слѣдуя лозунгу Ницше, хотятъ стать „выше добра и зла“, хотятъ быть „оригинальны“, хотя бы даже цѣною очевиднѣйшихъ парадоксовъ и завѣдомыхъ недѣлностей. Носитель этого новаго идеала, новый человѣкъ, герой силы и реформаторъ, прежде всего долженъ быть безстрашенъ и, сбросивъ съ себя, освободить и другихъ отъ рабскихъ цѣпей, въ которыхъ держатъ человѣчество предразсудки. А сфера этихъ „предразсудковъ“ растетъ теперь все шире и шире, захватывая и такія положенія, которыя въ былыя времена считались самоочевидными и не подлежащими не только сомнѣнью, но даже и вопросу ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, прежде враги христіанства, хотя и возставали противъ его таинственной и сверхразумной догматической основы, но удерживали, — по крайней мѣрѣ во имя пригодности и плодотворности для жизни, — возвѣщаемыя имъ *истины жизни*. Теперь мы не видимъ уже и этого: „переоцѣнка“ коснулась теперь и этихъ истинъ, столь безспорныхъ и столь дорогихъ даже врагамъ христіанской цивилизаціи былаго времени.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Никогда прежде, даже въ періоды ожесточеннѣйшихъ нападковъ на христіанство, не сомнѣвались въ плодотворно-дѣйственномъ вліяніи на жизнь великихъ, возвѣщенныхъ Христомъ, началъ милосердія и любви. А теперь? — Теперь „прогрессивное человѣчество“, устами наиболѣе популярныхъ своихъ выразителей и вождей, объявляетъ эти принципы „банкротами“ и открыто требуетъ ихъ замѣны „болѣе совершенными и пригодными“ началами жизни:

„Спаси мѣръ“, — пишетъ популярнѣйшій современный романистъ, въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ своихъ произведеній, — *„спаси мѣръ путемъ милосердія нелыс.м.но: можно спасти его только водвореніемъ справедливости*. Вотъ крикъ.

¹⁾ Типъ *новаго человѣка*, какъ онъ воплощенъ въ созданіяхъ современнаго искусства, въ связи съ ницшеанскою антисофією характеризованъ въ нашей книгѣ: *Письма о современн. из. искусствѣ*. М. 1899, стр. 158.

раздающійся со всѣхъ концовъ земного шара! Евангеліе тутъ оказалось безсильнымъ. Страданія человѣчества нисколько не уменьшились. Да, евангеліе—не болѣе, какъ устарѣлый сводъ законовъ, совершенно непримѣнимый къ современнымъ обществамъ! Нужно освободиться отъ его вліянія. И какое странное заблужденіе видѣть законодателя во Христѣ, который жилъ въ другомъ обществѣ, среди другихъ условий, въ другія времена! Ни одно общество не могло бы существовать, еслибы его вздумали подчинить предписаніямъ евангелія.. Но требованіе справедливости восторжествуетъ въ концѣ концовъ. Несчастный, обманутый бѣднякъ не вѣритъ больше въ блага будущей жизни, онъ требуетъ своей доли счастья на землѣ. Любовь и трудъ будутъ признаны основными законами жизни. *Безмысленный кошмаръ ада уступитъ мѣсто торжествующей, вѣчно творящей природѣ. Старая семитическая мечта будетъ побѣждена свѣтлымъ разумомъ, опирающимся на современныхъ данныхъ науки.* Въ теченіе восемнадцати вѣковъ христіанство тормозило движеніе человѣчества на пути къ истинѣ и справедливости. Движеніе это будетъ возстановлено лишь въ тотъ день, когда человѣчество причислитъ евангеліе къ книгамъ мудрецовъ, не придавая ему значенія абсолютнаго законоположенія“¹⁾...

Такъ говоритъ въ романѣ Зола *бывшій аббатъ!* И не онъ одинъ говоритъ такъ. Какъ эхо отдаются и звучатъ въ немъ эти слова, отзываясь повсюду тысячекратнымъ повтореніемъ. Милосердіе и любовь — отжившія начала дѣятельности, которыя должны быть, поэтому, замѣнены справедливостію! Но эта „справедливость“—что она такое, въ устахъ вѣстниковъ новаго идеала? Кто, какъ и во имя чего долженъ водворять ее на землѣ? Увы!—если не самому осторожному аббату, то сонмамъ и тьмамъ прогрессистовъ, жаждущихъ, хотя и по другимъ мотивамъ, той-же, все и всѣхъ уравнивающей, справедливости, она рисуется въ чертахъ грозныхъ, въ формѣ какой-то великой и роковой катастрофы, вызванной техническимъ гениемъ человѣка, который сравняетъ всѣ классовыя и имущественныя различія страхомъ всеобщаго бѣдствія.

Здѣсь предъ нами, очевидно, лишь наиболѣе яркое выра-

¹⁾ *Эмиль Зола:* Парижъ, русск. перев. Лихтенштадта, стр. 195—6.

женіе старыхъ вождѣвнѣй соціалистовъ — террористовъ, такъ-же мечтавшихъ установить всеобщую справедливость... мечомъ и огнемъ. Какая ужасающая и поучительная иронія! Тамъ, гдѣ возвѣщаются великіе принципы братства, равенства и свободы, повсюду тамъ насиліе и кровь, повсюду призывы къ помощи и крики о заступленіи! Но и обратно: потоками крови, ужасами насилій, терроромъ и ожесточеннѣйшею войною прогрессивные вѣстники „новаго идеала“ хотятъ теперь насадить всеобщій миръ и всеобщее благоволеніе...

У того-же писателя и въ томъ-же произведеніи мы находимъ и для этой подробности характерную иллюстрацію. Нѣкто Гильомъ, знаменитый ученый и химикъ, открывшій формулу новаго, дотолѣ неизвѣстнаго и просто невѣроятнаго по своей разрушительной силѣ, взрывчатаго вещества,—Гильомъ хочетъ взорвать на воздухъ знаменитый Парижскій Соборъ Мадлѣны, со всѣми собравшимися туда пилигриммами, чтобы... *чтобы этимъ путемъ водворить затѣмъ на землю миръ и благоволеніе!*..

„Съ необыкновенною ясностію Гильомъ изложилъ аббату Пьеру (подъ сводами Собора, съ адскимъ снарядомъ въ рукахъ) свой новый проэктъ. Война должна исчезнуть. Въ прежнее время, когда войска составлялись изъ наемниковъ, и позднѣе, когда стали набирать рекрутовъ, — небольшое число людей, отмѣченныхъ судьбою,—военная служба была почетной профессіей, которой отдавались съ любовью. Но съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ приходится сражаться, никто не хочетъ этого. Вооруженіе всѣхъ народовъ убьетъ войну въ силу логическаго хода вещей. Сколько продлится еще этотъ вооруженный миръ, купленный цѣною миллиардовъ? Какое облегченіе почувствуютъ народы въ тотъ день, когда *страшный снарядъ, обладающій силой уничтожить сразу цѣлыя арміи, цѣлые города, упразднить войну, приведетъ народы къ разоруженію. Такимъ образомъ будетъ, наконецъ, убита война, сгубившая столько народовъ.* Въ этомъ состояла мечта Гильома, и онъ не сомнѣвался въ возможности осуществить ее въ ближайшемъ будущемъ.

— „У меня все готово! Я рѣшился умереть, исчезнуть ради торжества моей идеи... Ты знаешь, какъ часто я въ послѣдніе дни запирался съ бабушкой въ ея комнату. Мы

приводили въ порядокъ всѣ документы. Она исполнить всѣ мои распоряженія, хотя бы это стоило ей жизни, вѣдь нѣтъ въ свѣтѣ болѣе благородной, болѣе мужественной души... Какъ только меня не станетъ, какъ только она услышитъ страшный взрывъ, который отмѣтитъ начало новой эры, она разошлетъ всѣмъ великимъ державамъ формулу новаго взрывчатого вещества и чертежи бомбы и особой пушки, находящіяся въ ея рукахъ. Такимъ образомъ, я подношу одновременно всѣмъ народамъ страшное оружіе разрушенія, которое я въ началѣ мечталъ вручить одной Франціи. Обладая подобной силой, они поймутъ безцѣльность взаимнаго истребленія и сложатъ оружіе“¹⁾.

Какая хаотическая путаница идей и настроеній! Какое безконечное разстояніе и какая радикальная противоположность, сравнительно съ ученіемъ о томъ-же предметѣ христіанства! И христіанство возвѣстило миръ, и зоветъ къ миру. Но какимъ путемъ? Путемъ внутренняго дѣланія, путемъ работы надъ самимъ собою, надъ преодоленіемъ своихъ свирѣпыхъ и кровожадно-мстительныхъ инстинктовъ, но не путемъ насильственнаго отнятія оружія, которымъ люди хотятъ воспользоваться лишь для самозащиты или защиты слабыхъ и угнетенныхъ отъ кровожадныхъ угнетателей, и тѣмъ болѣе не посредствомъ врученія народамъ адски-разрушительныхъ снарядовъ, которыми, въ увлеченіи страстей и въ припадкахъ взаимнаго ожесточенія и ненависти, они легко могутъ злоупотреблять. А здѣсь,—что мы видимъ здѣсь? Здѣсь порядокъ радикально извращенъ: для упраздненія войны въ отдаленномъ будущемъ и для насажденія мира и благоволенія въ проблематической грядущей исторіи, рекомендуется ожесточеннѣйшее истребленіе *теперь*, безъ различія и разбора истребляемыхъ...

Вотъ „прогрессивный“ судъ надъ челоувѣчествомъ людей новаго идеала, вотъ та „высшая справедливость“, во имя которой объявляются банкротами принципы милосердія и любви, которыми христіанское челоувѣчество жило доселѣ!

Возьмемъ еще примѣръ этой удивительной „переоцѣнки цѣнностей“.

Давно извѣстно, что „миръ во злѣ лежитъ“. Современный-

¹⁾ Ibid., стр. 266.

же цивилизованно-дехристианизированный міръ погрязъ во зло особенно глубоко. Онъ одинаково далекъ теперь и отъ нравственности и отъ счастья: на это все жалуются --- и проповѣдники-моралисты, и психологи, и писатели романисты. Гдѣ-же выходъ и гдѣ потерянный путь къ счастью? Христианство отвѣчаетъ, вмѣстѣ со всеми лучшими представителями „естественной“ мысли, начиная съ Сократа: въ реформѣ своей внутренней жизни, каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности и сначала для самаго себя, ибо общее зло, общія (соціальныя) безнравственность и страданія суть продуктъ личныхъ уклоненій входящихъ въ его составъ единицъ.

Но современные реформаторы, вожди и вѣстники новой мысли и демагоги, думаютъ иначе. Они опять-таки указываютъ *свои пути*. И вотъ между тѣмъ какъ, съ одной стороны, раздаются святотатственные крики о необходимости произвольно ограничивать семьи всеми возможными средствами, хотя бы шагая чрезъ преступленія, --- съ другой стороны, настроенной иначе, раздаются не менѣе святотатственные крики противоположнаго смысла, значенія и характера: „знайте, что землю наследуютъ тѣ, на чьей сторонѣ окажутся здоровые и многочисленность“! ¹⁾..

Между этими призывами, съ одной стороны, къ истребленію „человѣческой расы“, а съ другой къ ея возможному умноженію, во имя одного и того-же идеала человѣческаго счастья, конечно, прямая противоположность. Но эта противоположность, очевидно, все-же не столь глубока, какъ противоположность обонхъ этихъ идеаловъ, въ сущности стоящихъ на одной и той-же плоскости, идеалу христіанскому: тамъ культъ плоти, здѣсь-же ея укрощеніе и аскетическое подчиненіе идеаламъ и цѣлямъ существованія духовнымъ.

III.

Нетрудно замѣтить, если всмотрѣться внимательно, что та „переоцѣнка цѣнностей“, примѣры которой мы только-что привели и могли бы еще привести во множествѣ, исходить

¹⁾ *Золѣ*: Fécondité, русск. перев. Ранцова, стр. 160. Въ приведенныхъ словахъ выражена, такъ сказать, тема всего сенсаціознаго произведенія.

изъ одного начала и направляется къ одной конечной цѣли,—къ водворенію всеобщаго довольства или, какъ мы сказали выше, земнаго рая. Существуетъ до нерасторжимости тѣсное соотношеніе и взаимозависимость между этими переопѣнками и тѣми началами философской мысли, которыя, составляя самое характерное въ умственной жизни нашего вѣка, связываютъ красною нитью его конецъ съ началомъ, возводя, такимъ образомъ, современныя намъ настроенія къ настроеніямъ эпохи Великой Революціи, какъ къ своимъ отдаленнѣйшимъ источникамъ и корнямъ. Мы знаемъ изъ Исторіи Философіи эти характерныя теченія Европейской мысли, отмѣтившія собою особенно середину вѣка во Франціи. „Реабилитація плоти“ (или физизмъ), оправданіе страсти, апофеозъ человѣчества, матеріализмъ, позитивизмъ и, наконецъ, „новое вольтерьянство“ или атеизмъ: вотъ эти теченія, долженствующія, въ своей нерасторжимой совокупности, вынести грядущее человѣчество на берега земнаго Эдема. Сенъ-Симонъ и сенсимонисты, Фурье и фурьеристы, Контъ и Литтре, Прудонъ и многое множество другихъ, не столь популярныхъ именъ во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и даже у насъ въ Россіи: вотъ вожди вѣка, руководившіе движеніемъ и его направлявшіе ¹⁾. Здѣсь строгое единство дѣйствій. Здѣсь одна, хорошо дисциплинированная, армія, безпрекословно повинующаяся одному, незримому но властному, вождю,—обольщенію земнаго благодолучія, „довольству всеобщей сытости“.

И вотъ предъ нами осязательно наглядный результатъ этой вѣковой работы. Мы видимъ, что эвдемонистическія мечты и утопіи глубоко укоренились въ сознаніи *массъ*, осѣли и отложились въ формѣ непоколебимо-прочныхъ вѣрованій. На расчищенной атеизмомъ, матеріализмомъ и позитивизмомъ почвѣ оказался широкій просторъ для „обожанія человѣка“, которое предвидѣлъ еще дальновидный Шатобрианъ и которое дало теперь уже и свои наиболѣе характерныя ростки, въ формѣ сознательнаго оправданія страсти и культа плоти. Въ самомъ дѣлѣ, эта *profession de foi*, это

¹⁾ Этотъ важный и весьма характерный моментъ въ умственной жизни XIX вѣка очерченъ въ нашей книгѣ: *Очеркъ современной Французской философіи*, стр. 213—236.

откровенное провозглашеніе лозунгомъ жизни вегетативнаго принципа *плодовитости*,—что такое все это, какъ не крайнее, наиболѣе чистое и откровенное выраженіе земныхъ и низменно-землистыхъ идеаловъ все той-же „новой вѣры“?

„Жизнь“,—такъ говорятъ служители этого новаго культа,—„жизнь можно уподобить морскому приливу, волна котораго ежедневно продолжаетъ творческую свою работу, заканчивая созидать желанное благоденствіе, долженствующее въ свое время водвориться на землѣ. Приливы и отливы народовъ являются только послѣдовательными періодами поступательнаго движенія. Смѣна вѣковъ просвѣщенія столѣтіями мрачнаго застоя означаетъ лишь этапные пункты прогресса. Съ каждымъ разомъ совершается новый шагъ впередъ, завоевывается нѣсколько большее количество земли и выдвигается на арену соотвѣтственно большее количество жизни. Между плодовитостью и цивилизаціей существуетъ, сколько можно судить, законъ двойственнаго воздѣйствія, въ силу котораго цивилизація, созданная плодовитостью, стремится потомъ ее ограничить. Законъ этотъ установить свое состояніе равновѣсія, вокругъ котораго будетъ колебаться цифра человѣческаго населенія на земномъ шарѣ, когда наша планета окажется совсѣмъ уже заселенной, воздѣланной и надлежаще использованной. Тогда именно судьбы ея завершатся. *Осуществится божественная мечта, представляющаяся теперь только великодушной утопіей: семья сольется съ народомъ а народъ съ человечествомъ. Все земное населеніе составитъ одну братскую семью, такъ что наша планета станетъ обителью мира, истины и справедливости.*

„Человѣчеству надлежитъ распространиться по всему лицу земнаго шара, населить и умиротворить землю, извлечь изъ нея все количество здоровья и полезной жизни, къ какой она вообще способна. Если плодовитость создаетъ цивилизацію, а цивилизація въ свою очередь ограничиваетъ плодовитость, то позволительно предвидѣть, что въ тотъ день, когда эволюція будетъ закончена, *вся земля населится единымъ народомъ, вдохновеннымъ священными чувствами братской любви, въ населеніи земнаго шара установится само собою равновѣсіе“* ¹⁾.

1) *Fécondité*, конецъ.

Вотъ наиболѣе яркое выраженіе новаго идеала: *эволюція* должна и нѣкогда водворить на землѣ царство мира, истины и справедливости, вдохновить человѣчество чувствами братской любви, осуществить „божественную мечту“, представляющуюся теперь лишь великодушной утопией... Замѣчательно здѣсь то, что вѣстники новаго идеала, возставая противъ христіанской религіи, какъ и противъ всякой религіи вообще, сами невольно, какъ бы по какому-то бессознательному понужденію, облачаютъ свои мечты и утопіи въ религіозную оболочку. Ихъ quasi—научныя идеи и ожиданія, основанныя на власти „закона эволюціи“, въ сущности суть не что иное, какъ догматы вѣры, а ихъ проповѣдь вегетативнаго принципа плодovitости есть настоящій культъ плоти или, какъ они предпочитаютъ говорить, *религія жизни, материнства* и т. д. Именно во имя этой религіи и подъ обаяніемъ, пожалуй даже давленіемъ, ея авторитета они приглашаютъ къ „переоцѣнкѣ цѣнностей“.

„*Религія жизни*“,—пишетъ Золя,—„находившейся такъ долго подъ гнетомъ мрачнаго католическаго кошмара, отъ котораго западно-европейскіе народы дважды уже пытались освободиться въ XV и XVIII вѣкахъ, возродится на прежней почвѣ уваженія къ плодovitости въ землѣ и въ женщинѣ. Кошмаръ, тяготящій еще и теперь надъ Западной Европой, не замедлитъ разсѣяться, когда плодovitость станетъ символомъ высшей красоты и могущества...“

„Пусть же измѣнятся современные нравы, идеалы общественной нравственности и красоты! Необходимо возсоздать міръ, положивъ въ его основу торжествующую красоту матери, кормящей своего ребенка грудью. Такая мать является величественнымъ символомъ новаго возрождающагося чело-вѣчества, относящагося съ уваженіемъ и довѣріемъ къ жизни. Возможно большее количество жизни необходимо для возможно большаго количества счастья“ 1).

Эта откровенная проповѣдь культа плоти, закутанная въ прозрачную дымку высокихъ словъ („религія жизни“ и т. д.), очевидно, имѣетъ одну цѣль,—ту именно цѣль, къ которой звали въ срединѣ вѣка Сенъ-Симонъ и Фурье, Контъ и Пруденъ. Правда, между ученіями этихъ „апостоловъ социа-

1) *Fécondité*, стр. 502—503.

лизма“, повидимому, не было строгаго единомыслия. Но ихъ различія касались скорѣе частныхъ, чѣмъ существа.— какъ это, послѣ долгихъ колебаній мысли и тяжелыхъ опытовъ жизни, сознаеть, наконецъ, у Зола его бывшій аббатъ, Пьеръ:

„Въ ученіяхъ этихъ апостоловъ социализма“,—таковъ результатъ его долгихъ размышленій,—„среди хаоса самыхъ противорѣчивыхъ утвержденій, встрѣчаются одни и тѣже, неизмѣнно повторяющіяся положенія: необходимость защиты бѣдняковъ и болѣе справедливаго распредѣленія земныхъ благъ, сообразно съ прилагаемымъ трудомъ и заслугами каждаго. И если всѣ великіе мыслители соглашались другъ съ другомъ относительно этихъ основныхъ истинъ, то не слѣдовало ли признать, что на нихъ именно должна быть построена религія будущаго? Это краеугольные камни новой вѣры, которые вѣкъ нашъ завѣщаетъ слѣдующему для сооруженія на нихъ новаго культа мира, взаимной солидарности и любви“ 1)...

Въ этихъ характерныхъ словахъ, можно сказать, уловленъ самый *духъ истекашаго вѣка*, съ его принципиальнымъ эклектизмомъ, съ его стремленіемъ облечь свою пеструю ткань, сотканную изъ разныхъ мнимо-научныхъ идей и „выводовъ“ въ форму религіи, и именно „религіи будущаго“. Отсюда, отъ этого, такъ сказать, основнаго тезиса „дехристианизированной“ мысли вѣка можно прослѣдить ея движеніе дальше,—въ сторону, такъ-же весьма характерныхъ мистико-декадентскихъ вѣяній, до „культа красоты“ знаменитаго Рэскина включительно.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на кажущуюся разнородность этихъ теченій эклектической мысли, между ними есть и черты сходства, которыя, при недостаточно критическомъ отношеніи къ нимъ, даютъ возможность сливать ихъ въ одну, хотя и лишленную ясныхъ очертаній форму,—въ форму „религіи будущаго“. Пусть утописты-соціалисты ядуть осуществленія своихъ мечтаній о земномъ раѣ здѣсь на землѣ, а мистики и декаденты хотятъ уйти со своими мечтами за грани тучъ и самаго неба. Пусть, говоримъ, это такъ. Но *мечта о счастіи*, прозаично-грубая въ одномъ случаѣ, и по-

1) *Парижъ*. 278.

этически-неясная въ другомъ, всеже остается и тамъ и здѣсь верховнымъ мотивомъ поисковъ. Прибавимъ къ этому и еще одну черту сходства: и то и другое направленіе мысли одинаково тяготеетъ къ религии и проповѣдуетъ свои мечты и стремленія *подъ ея знаменемъ*. Въ сущности между этими двумя теченіями, быть можетъ, существуетъ не только сходство, но прямо тожество и, при достаточно глубокомъ анализѣ психологическихъ мотивовъ, которыми живутъ проповѣдники культа плоти и необходимости декадентскаго отрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, отрѣченія отъ нея, можетъ быть, окажется возможность признать одно ученіе просто обратной стороною другаго. Вѣдь давно извѣстно и опытами всѣхъ христіанскихъ вѣковъ доказано, что всякій разъ какъ, изъ христіанскихъ храмовъ изгоняли единаго истиннаго Бога, начинали кланяться ножкамъ стола, живущимъ будто бы въ нихъ „духамъ“ (спириты и пр.), а вслѣдъ за ними и сонму другихъ духовъ, великому множеству „призрачныхъ и суетныхъ“ божествъ.

IV.

„Вѣчность“, — сказала однажды Альфредъ де Мюссе. — „походить на орлиное гнѣздо, изъ котораго столѣтія вылетаютъ, какъ молодые орлы, чтобы поочередно облетѣть вселенную. Теперь наше столѣтіе очутилось у края гнѣзда: оно выглядываетъ оттуда, но ему отрѣзали крылья, и оно ожидаетъ смерти, неподвижно уставивъ взоръ въ безконечное пространство, облетѣть которое оно не имѣетъ силъ“...

Дивный, полный глубокаго смысла, образъ! XIX вѣкъ, доживавшій свои послѣдніе дни въ томительномъ ожиданіи смерти, уже болѣе не существуетъ. Взамѣнъ его, вылетѣлъ изъ гнѣзда вѣчности новый орелъ и окинулъ гордымъ взоромъ пространства, которыя измѣрилъ своимъ полетомъ его предшественникъ. Что-же увидалъ онъ? Какія перспективы ему открылись?

Увы! — мало утѣшительныя перспективы! Масса мелкаго труда и всеже по прежнему безконечное отдаленіе отъ намѣченныхъ цѣлей. Коренная несопзмѣримость замысловъ, съ одной стороны, и средствъ къ ихъ достиженію, съ другой. Какой-то роковой *обманъ ожиданій*.

Проникнутый болѣе, чѣмъ какой-либо изъ предыдущихъ

вѣковъ, вѣрою въ эволюцію, въ „прогрессъ цивилизаціи“, который-де совершается самъ собою, шествуетъ побѣдоносно и неуклонно, все на своемъ пути захватывая, все побѣждая и подчиняя, — проникнутой этою успокоительною вѣрою. XIX вѣкъ вызвалъ на общій трудъ неисчислимыя толпы мелкихъ труженниковъ, одушевленныхъ одною общею цѣлью и однимъ желаніемъ содѣйствовать „демократизаціи благъ культуры“, уравниять пути къ водворенію земнаго рая. Точно гномы въ сказкѣ-драмѣ Гауптмана, выступили на сцену отдѣльные труженники матеріальной культуры, которые хотя и не поражали каждый въ отдѣльности ни своими замыслами, ни результатами трудовъ, но своею солидарностью и единствомъ стремленій, направленныхъ къ одной конечной цѣли, производили на зрителя бодрое впечатлѣніе и снова будили надежды, поколебленные было пессимизмомъ Шопенгауера. Одни заняты теперь техникой, другіе прикладными элементами точныхъ наукъ, третьи трудятся надъ проведеніемъ въ массу грамотности и „элементовъ культуры“, четвертые улаживаютъ соціальныя вопросы и т. д. и т. д. Зрѣлище этой муравьиной работы для многихъ отесалъ становится надежнымъ базисомъ довѣрчивыхъ взглядовъ на будущее. „Демократизація знанія“, медленный, но равномерный и прочный „прогрессъ“ становятся къ концу вѣка лозунгами, которые собираютъ вокругъ себя массы труженниковъ. Героемъ становится культуртрегеръ, идущій въ народъ просвѣщать, лѣчить, обучать ремесламъ, а если позволяютъ обстоятельства, то пріохочивать и къ искусствамъ (народные театры и пр.) и развлекать ими... Но — до намѣченной цѣли по прежнему

Какъ до звѣзды небесной далеко.....

И вотъ почему, между прочимъ, при всей прозаичности конечной цѣли, поставленной миновавшимъ вѣкомъ „дехристианизованному“ человечеству, его демагогическіе призывы повсюду принимали религіозный отливъ. Это неизбежно: ибо, разъ введены въ расчисленіе величины безконечныя, -- мы уже въ области религіи. А надежды на земной рай, подъ обаяніемъ которыхъ жила, работала и мыслила XIX вѣкъ, такъ несбыточны, химеричны и утопичны, что серьезно призывать къ работѣ надъ ихъ осуществленіемъ можно не иначе, какъ переставляя ихъ именно въ безконечность.

Однако, съ религіею шутить нельзя. Нельзя пользоваться ея идеями, формулами, словами и символами для прикрытія чуждаго ей содержанія. Она требуетъ всего человѣка, со всѣми его мыслями и стремленіями и указываетъ ему, — разумѣемъ религію христіанскую, — цѣли, которыя лежатъ совсѣмъ въ иной плоскости, сравнительно съ цѣлями, указываемыми „дехристіанизованными“ вояждями мнувшаго вѣка. Не *здесь*, а *тамъ* лежатъ ея конечныя идеалы. *Здѣсь* зло и трудъ; лишь *тамъ* отрада и покой, покой полный и вѣчный.

Къ великому несчастію для христіанскихъ странъ и народовъ, это забвеніе *потусторонняго* идеала и постановка на его мѣсто идеала *посюсторонняго*, идеала *земнаго* рая, не есть какое-либо случайное и мимолетное настроеніе. Нѣтъ! Оно есть плодъ и неизбежное логическое слѣдствіе тѣхъ уступокъ и компромиссовъ, тѣхъ приспособленій и расчетовъ, тѣхъ проявленій оппортунизма и аккомодации, на путь которыхъ уже давно вступили западныя христіанскія исповѣданія.

Съ одной стороны, въ новѣйшей исторіи католичества мы видимъ характернѣйшее явленіе, извѣстное подъ именемъ *демократической эволюціи папства* ¹⁾. Давно уже папство тяготѣло къ этому компромиссу. Постепенно оттѣсняемое отъ мірскихъ дѣлъ, мало по малу лишаемое вліянія на политическую исторію народовъ, теряя прерогативу за прерогативую, оно уже давно и внимательно всматривалось въ обширный, разстилавшійся предъ его взорами, горизонтъ народнои жизни, желая именно здѣсь отыскать для себя болѣе надежную опору и менѣе вѣроломныхъ союзниковъ, чѣмъ монархи и ихъ властительные канцлеры. И вотъ оно разглядываетъ на исторической аренѣ новую, дотогѣ невѣдомую историко-политическую силу, — демократію. Папство не смущено явленіемъ этой новой силы, какъ смущены ею правители и правительства свѣтскіе. Вѣдь не этотъ новый пришлецъ, а представители старыхъ династій, которыхъ оно-же, папство, ставило на царства, посягнули на его свѣтское могущество! Нѣтъ, демократія не врагъ, а союзникъ

¹⁾ См. объ этомъ нашу книгу: *Западная отвѣтственность и русскіе идеалы*, стр. 135 слѣд. и 195 слѣд.

папы, — самый вѣрный и надежный: ибо ихъ связываетъ общность интересовъ, борьба съ общимъ врагомъ. И вотъ, особенно папа Левъ XIII, со всею ясностію уразумѣвшій это новое положеніе вещей, заговорилъ съ народомъ, — заговорилъ и... его рѣчь своею неожиданностію смутила даже людей, подготовленныхъ ко всякимъ неожиданностямъ... Нашъ вѣкъ, давно уже привыкшій развѣ лишь *тертій* Церковь, какъ необходимую въ критическія минуты полицейскую власть, ожидалъ, что папа появится предъ демократами, чтобы смирить ихъ жезломъ желѣзнымъ, общаніями небесной награды за земныя страданія. Но этого не случилось. Случилось-же нѣчто иное и противоположное. Случилось нѣчто подобное тому, что было во дни пророка Валаама: Валакъ, царь Моавитскій, пригласилъ пророка Божія проклясть израильтянъ, а онъ призвалъ на нихъ Божіе благословеніе. Такъ и папа: вмѣсто прещеній демократамъ, онъ выступилъ на ихъ защиту, объявилъ себя ихъ союзникомъ и другомъ, и изрекъ своимъ „генераль-лейтенантамъ“, кардиналамъ и епископамъ, классическое слово, отселѣ сдѣлавшееся лозунгомъ сановниковъ церкви: *allez au peuple, — поидемъ въ народъ, поидемъ, ибо сильные міра насъ оставили!*...

Всмотритесь въ эту знаменательную „эволюцію“ папства и вы увидите, что она для нашего вѣка весьма характерна. Въ самомъ дѣлѣ, папа и его слуги идутъ „въ народъ“ точно такъ-же, какъ социалистическіе демагоги. Вмѣстѣ съ ними, какъ бы „позабывъ свое служеніе, алтарь и жертвоприношеніе“, они берутъ метлу, чтобы сметать пыль земли и расчищать путь для всеобщаго, эгалитарнаго благополучія. Каковъ идейный и психологическій смыслъ этого компромисса, это, конечно, не требуетъ разъясненій: здѣсь, со стороны папы и его „генераль-лейтенантовъ“, тоже забвеніе потусторонняго идеала жизни ради посюсторонняго, съ его обманчивыми, но яркими и неотразимо обаятельными, благами, отъ нихъ-же первое — „равенство всеобщей сытости“.

Явленіе, совершенно аналогическое „демократической эволюціи папства“, вытекающее изъ того-же духа оппортунизма и аккомодациі, представляетъ въ протестантизмѣ *научно-идейная эволюція* ¹⁾. Подобно тому, какъ современное папство

¹⁾ Ср. *Западная действительность* etc., стр. 37 и слѣд.

стремится приспособиться къ новѣйшимъ явленіямъ соціально-политической жизни, такъ протестантизмъ стремится прійти въ согласіе съ новыми научными и философскими теченіями и вѣяніями мысли, легко поступаясь ради нихъ догматическими основами первоначальнаго христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, кому-же изъ людей, сколько нибудь внимательно слѣдившихъ за развитіемъ протестантской богословской науки послѣдняго времени, не извѣстно, что вся она насквозь проникнута принципомъ эволюціи? Догматика, библейская экзегетика, философія религіи, исторія языческихъ религіи и христіанской церкви и т. д. и т. д. все это, развѣ лишь за крайне ничтожными исключеніями одного-двухъ процентовъ, пропитано болѣе или менѣе ярко выраженными началами эволюціи. Протестантское ученіе о Богѣ все болѣе ниспадаетъ къ пантеизму, этому необходимому предположенію принципа эволюціи, а вмѣстѣ съ этимъ и ученіе о человѣкѣ, его происхожденіи, природѣ, конечномъ назначеніи, — словомъ все это переставляется въ томъ-же направленіи и духѣ. И все это допускается „съ освободительными цѣлями“! *Личность должна быть свободна и автономна*: вотъ лозунгъ новѣйшаго протестантизма! Онъ звучитъ повсюду въ протестантскомъ мірѣ и, какъ эхо, отдается въ самыхъ разнообразныхъ, по вѣдѣности весьма далекихъ отъ него, явленіяхъ умственной и нравственной жизни, до нищезанятства включительно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, въ сущности, этотъ Ницше, со всею своею антисофією, какъ не крайнее выраженіе началъ новѣйшаго протестантизма? Не есть-ли онъ лишь наиболѣе откровенное и яркое ихъ проявленіе? Не есть-ли его ученіе о „сверхчеловѣкѣ“ лишь новая формула для старыхъ идей и стремленій, которыми давно уже живетъ протестантизмъ? Намъ кажется, что дѣло обстоитъ именно такъ: *Ницше есть типичнѣйшій протестантъ!*

И вотъ мы видимъ, что западныя христіанскія исповѣданія, подпавшія *двойной эволюціи*, демократической и идейной, вмѣсто того, чтобы служить для народовъ маяками, указывающими путь къ небу, сами тяготеютъ къ землѣ, къ земнымъ благамъ и мірской мудрости. Не будемъ несправедливы къ западнымъ церквямъ, съ ихъ поучительною и трагическою новѣйшею исторією. Въ наше время вопросъ иногда, кажется, идетъ уже не о томъ, *какъ* вѣровать въ

Бога, но о томъ, *слѣдуетъ-ли вообще вѣровать въ Него* да и вообще *вѣровать* во что-бы то ни было. А въ этомъ отношеніи народы Запада, западные христіане, съ нами, христіанами православнаго Востока, всеже единомышленники и союзники, у которыхъ врагъ общій: *атеизмъ*. Въ ихъ ученыхъ трудахъ и популярныхъ сочиненіяхъ, въ ихъ проповѣди, учрежденіяхъ и внутренней миссіи, много такого, чѣмъ и мы, христіане Востока, могли бы пользоваться, какъ пригоднымъ и надежнымъ оружіемъ или, по крайней мѣрѣ, примѣромъ. Но есть, при всемъ этомъ, въ практическихъ и идейныхъ теченіяхъ западно-христіанской жизни, и такія стороны, которыя, своимъ характеромъ и своими слѣдствіями, должны тѣмъ ярче отгнать недосыгаемую высоту и непогрѣшительную истинность восточнаго Православія, съ его непоколебимо утвержденнымъ *потустороннимъ* идеаломъ жизни, призывающимъ человѣка *прежде всего* къ личному усовершенствованію, въ надеждѣ, что все остальное „приложится“. Вотъ нашъ лозунгъ, нашъ маякъ и якорь,—для жизни и мысли, практической и научно-богословской!

Въ духовной, и въ частности умственной жизни народовъ бывають, какъ и въ ихъ физической жизни, эпохи какихъ-то эндемическихъ заболѣваній. Эндемическая умственная болѣзнь нашего времени есть *эгоизмъ*, который, въ свою очередь, самъ есть лишь обратная сторона современной *анархической мысли*,—ея безпринципности. Современный человѣкъ рѣдко способенъ дѣлать глубокія, принципиальныя различія въ идеяхъ и умственныхъ теченіяхъ. Онъ склоненъ все ограничивать въ одинъ мутно-сѣрый цвѣтъ безразличія. А между тѣмъ, какъ въ организмѣ искомой наукою истины все стоитъ въ связи со всемъ и одна идея предполагаетъ или вызываетъ другую, сродную ей,—такъ и въ организмѣ жи есть такая-же сопринадлежность сроднаго, своего рода гармонія. Нельзя быть агентомъ сверхчеловѣка, не будучи эволюціонистомъ и пантеистомъ, равно какъ и наоборотъ,—нельзя пантеисту-христіанину, твердо поставившему предъ собою потустороннюю цѣль жизни, стремиться, хотя бы лишь въ мечтѣ въ область идей и отношеній, которыя хотѣли бы установить современные проповѣдники культа сверхчеловѣка, съ его безразличіемъ къ добру и злу. Наука, истинная наука,—ибо есть и науки ложныя и лживыя,—должна

прежде всего разъясняют именно эту логически-необходимую принадлежность идеи, должна напоминать, что и въ сферѣ мысли, точно такъ-же, какъ въ практической жизни, нельзя въ одно и то-же время работать Богу и Мамонѣ, быть служителемъ Христа и Веліара.

Призракъ сверхчеловѣка, или, точнѣе, *человѣкъ-бога* исчезнетъ лишь тогда, когда въ сознаніи человѣчества снова просіяетъ, въ своей неизрѣченной красотѣ, полузабытый теперь „дехристианизованнымъ человѣчествомъ“ идеаль *Богъ-человѣкъ*,— единого Царя чистой истины, правды и мира.

Алексій Введенскій.
